

Карта Северной Месопотамии
I—III вв. н. э.

bibliotheca classica

*Отечественные
исследования
по античной
и средневековой
истории*

И. И. Надиров

ХАТРА

АРАБЫ
МЕЖДУ ПАРФИЕЙ
И РИМОМ

Санкт-Петербург
2009

УДК 94(35)
ББК 63.3(0)31
Н17

Моим родителям
с любовью и признательностью

Ответственный редактор
кандидат исторических наук С. А. Французов

Надиров И. И.

Н17 Хатра. Арабы между Парфией и Римом. — СПб.: ИЦ
«Гуманитарная Академия», 2009. — 480 с. : ил. — (Серия
«Studia classica»).

ISBN 978-5-93762-053-8

Монография И. И. Надирова является первым в отечественной востоковедческой литературе специальным исследованием, посвященным Хатре — уникальному северомесопотамскому арабскому городу эпохи римского и парфянского господства.

На основе широкого круга источников, и прежде всего обширного эпиграфического материала, автор скрупулезно, шаг за шагом, воссоздает историю древнего города, его быт и духовную культуру. В книге затрагиваются такие сложные и дискуссионные вопросы истории эллинистического Востока, как административно-политическая структура Парфянской державы и владений в сфере ее влияния, этногенетические и историко-демографические процессы в Парфии, судьбы культурно-исторического наследия древневосточных обществ, а также целый комплекс проблем, связанных с религиозным синкретизмом той эпохи.

Издание адресовано как специалистам-востоковедам, так и всем интересующимся историей Ближнего Востока.

Книга публикуется в авторской редакции.

УДК 94(35)
ББК 63.3(0)31

ISBN 978-5-93762-053-8

© И. И. Надиров, 2009
© Издательский Центр
«Гуманитарная Академия», 2009

ПРЕДИСЛОВИЕ

Монография о Хатре была задумана давно, но нынешней ее концепцией я обязан доктору исторических наук Е. В. Зей-малю. Социально-экономическим отношениям Хатры была посвящена моя кандидатская диссертация «Общество Хатры, I—III вв. н. э. История северомесопотамских арабов эпохи римско-парфянского господства» (Санкт-Петербург, 1997), основные главы которой были написаны под научным руководством доктора исторических наук И. Ш. Шифмана, данью памяти которому является данное исследование. Учитель не только привил мне любовь к эпиграфике, но и научил ставить проблему на эпиграфической базе. Первоначально планировалось, что книга станет более выпуклой подачей диссертационного исследования, однако позднее, с накоплением материала и новыми публикациями, взгляд на надписи как на основной источник по истории Хатры стал все более преувеличивать, и книга стала постепенно приобретать свой нынешний вид. Благодаря стимулирующей научной атмосфере кабинета Ближнего Востока Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН (ныне Института восточных рукописей) многое в предлагаемом исследовании решалось быстрее и продуктивнее, чем при самостоятельной работе над диссертацией, когда я был фактически лишен научного руководства (Илья Шолоймович Шифман ушел из жизни в 1990 г.). Между тем появились и другие публикации, связанные с семитологией и историей Хатры, и их отражение в книге, естественно, требовало адекватного анализа.

Автор считает своим приятным долгом выразить глубокую благодарность за полезные советы и уточнения коллективу

кабинета Ближнего Востока Института восточных рукописей. Отдельных слов благодарности заслуживает С. А. Французов, взявший на себя труд редактора монографии. Я рад выразить свою искреннюю признательность также иранисту А. Н. Колесникову и антиковеду А. Г. Грушевому за помощь при чтении ряда надписей. Я обязан всем коллегам, проявлявшим внимание к этой книге, тем, с кем обсуждались общие и частные вопросы, которым она посвящена.

Спасибо моей дорогой жене Марине за всемерную поддержку, живой интерес к работе и помощь на всех творческих этапах.

Санкт-Петербург,
ноябрь, 2008 г.

Введение

ИСТОРИОГРАФИЯ И НАРРАТИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

На севере Ирака, в 90 километрах к югу от Мосула, располагается *вади Тартар*, рядом с которой находятся развалины древнего арабского города, современника Пальмиры и Баальбека, города, получившего в античных нарративных источниках, а позднее в западной исследовательской литературе имя *Хатра*, что соответствует арабскому *al-ḥadr*.

В том или ином виде топоним *Хатра* засвидетельствован в трудах древних историков, касающихся проблем римско-парфянских взаимоотношений. На истории этих отношений останавливались Корнелий Тацит, Плутарх, Арриан, Страбон; ряд упоминаний по географии и политической истории Западной Парфии, общественным событиям и торговым актам содержится в «Естественной истории» Плиния Старшего. Интерес к истории римско-парфянских контактов сохранился и в более позднее время, когда на смену парфянской династии Аршакидов в иранском государстве пришли персидские цари династии Сасанидов. Историки Дион Кассий, Геродиан, биографы, описывавшие жизнь и деяния римских императоров II–III вв. н. э. («*Scriptores Historiae Augustae*»), церковный историк Евсевий Памфил и, наконец, последний выдающийся представитель античной историографии Аммиан Марцеллин достаточно подробно и достоверно повествуют о Северной Месопотамии в целом и Хатре в частности. К сожалению, многие произведения названных авторов дошли до нашего времени с большими лакунами, от других остались лишь отдельные отрывки, зачастую в передаче более поздних авторов. Основные античные свидетельства нарративного характера о Хатре мы находим в изложении Диона Кассия и Геродиана.

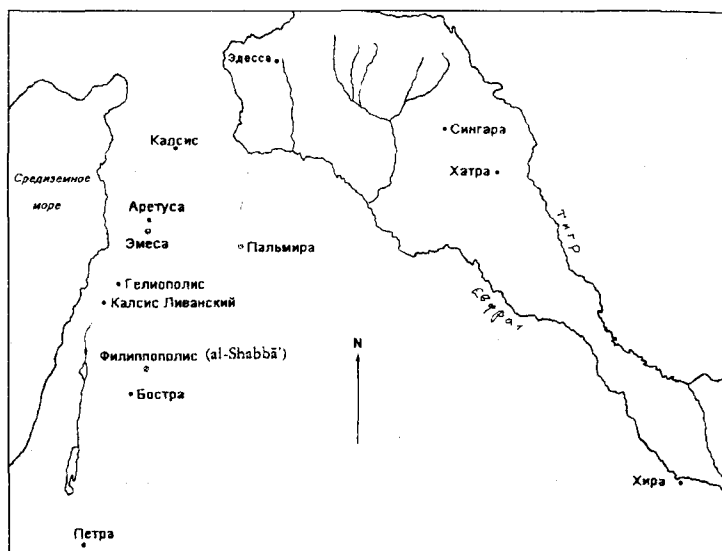

Рис. 1. Сирия и Месопотамия на рубеже нашей эры

Дион Кассий повествует о хатрийцах¹ в связи с походами против Парфии римских императоров Траяна (117 г. н. э.) и Септимия Севера (194 г.). В первом описании отмечается, что Хатра — это небольшой бедный городок в глубине пустыни, который «окружает страна, где нет ни воды, ни деревьев, ни растений». Особое внимание уделено почитанию Гелиоса (*Dio Cass.*, 68, 31, 1; 21). Однако в рассказе о кампании Септимия Севера данная область описывается уже как «известная обилием своих богатств и особенно приношениями Гелиосу, главному божееству города и окрестностей» (*Dio Cass.*, 75, 12, 2).

Ни Траян, ни Септимий Север, несмотря на длительную осаду, не смогли взять Хатру.

При описании похода на Месопотамию Арташира I Папакана, также не сумевшего овладеть Хатрой (*Dio Cass.*, 80,

¹ Для обозначения жителей Хатры нами принят термин «хатрийцы» (по аналогии с Басрой и басрийцами), что, на наш взгляд, более благозвучно, чем предложенное И. Ш. Шифманом «хатранцы».

3, 2), Дион, по всей вероятности, пользовался другим источником, нам неизвестным: так, год нападения на город, согласно римскому источнику, совпал с победой Арташира (*Артаксеркса*) над последним аршакидским царем Артабаном V (227 г.), что неверно. В действительности осада Хатры имела место в 230 г.

Важным выводом из этих кратких и довольно отрывочных сведений римского историографа является признание значения Хатры в середине II в. н. э., а также констатация ее превращения на рубеже II—III вв. в достаточно крупный укрепленный город².

Другой римский историограф, грек по происхождению, Геродиан уделяет внимание Хатре лишь в связи с Парфянским походом Септимия Севера (*Herodian.*, III, 1, 2—3, III, 9, 1)³. Из его сообщений мы узнаем о влиянии города в регионе и его фактической независимости от аршакидской администрации. Так, пишет Геродиан, в разгар борьбы за римский престол между Септимием Севером и Песценнием Нигером (195—198) последний направил своих легатов за помощью к правителям государств к востоку от Евфрата, а именно в Хатру, Армению и Парфию (*Herodian.*, III, 1, 2—3). Многие проримские царства правильно оценили ситуацию и никак не реагировали. Между тем в 193 г. Varsesius из Хатры, Абгар из Эдессы и Нарсес из Адиабены направили Нигеру свои войска, а аршакидский царь Валахш (греч. Вологез) IV обещал приказать своим сатрапам собирать войска (*Herodian.*, III, 1, 2—3). «Прибыли к нему (Нигеру. — И. Н.) хатрийские лучники в качестве союзников, посланные Барсемией (Βαρσημιος)⁴, правившим теми территориями».

² *Andrae W.* Hatra nach Aufnahmen von Mitgliedern der Expedition der DOG II // *WVDOG* 21 (1912).

³ О ситуации в регионе ср.: *Мовсес Хоренаци.* История Армении / Пер. с древнеарм. Н. О. Эмина. Кн. I—III. М., 1858. II. С. 75.

⁴ Геродиан упоминает царя Хатры дважды: Βαρσημιος и Βαρσημιος. Имя встречается в хатрийской надписи X200 без титула:

Приведенные данные важны прежде всего тем, что о Хатре, равно как об Осроэне и Адиабене, говорят как о самостоятельном царстве, независимом от Парфии. Любопытно и то, что цари Парфии, Армении и Хатры названы Геродианом в одном ряду (*Herodian.*, III, 1, 2).

При описании двух попыток Септимия Севера овладеть городом в 198 г. Хатра характеризуется как укрепленный центр, управляемый «царем Барсемией» (*Herodian.*, III, 5, 1; 9, 1).

Геродиан окружает Хатру «Счастливой Аравией» (ἡ εὐδαίμων Ἀραβία), а местные арабские племена связывает с южно-аравийским (по генеалогии) племенем Таййи' (*Herodian.*, III, 9, 2–6); Э. Херцфельд, выразивший сомнение в достоверности изложения Геродиана, по всей вероятности, неправ. В целом, как показывает позднейший анализ, сведения Геродиана заслуживают доверия⁵.

Единственным античным автором, лично посетившим Хатру, был Аммиан Марцеллин: он сопровождал Юлиана Отступника, когда армия последнего в 364 г. вторглась в Междуречье. По словам Аммиана, Хатра — это город, «не-

brsmy'. См. также: ISA 69, v. 5; Dura 98, II, 27: Βαρσημίας; IGLS 1642: Βαρσημεία; Monumenta Asiae Minoris Antiqua, III, 294: [β]α[ρ]σ[ι]μοῦ.

⁵ Herzfeld E. *Natra* // MDOG 68 (1914). Известно, что местом обитания таййи' была Северная Аравия, и сирийские авторы VI–VII вв. именуют арабов таййитами (Тауауе; СП. Tāzik; П. Tāzī, откуда, вероятно → tādjik, кочевник вообще, а затем, возможно, этноним. Ср.: Пигулевская Н. В. Месопотамия на рубеже V–VII вв. н. э. М.; Л., 1940). Понятие «Счастливая Аравия» не соответствовало Южной Аравии, как было принято полагать долгое время. На самом деле деление «Аравий» происходило по политическому признаку: *Arabia Petraea* — часть Аравии, зависимая от Рима, *Arabia Deserta* зависела от Ирана, *Arabia Felix* — независимая территория Аравии. Последнее обстоятельство весьма существенно для нашего изложения, поскольку подразумевает самостоятельность (на тот исторический момент) таких государственных образований, как Хатра, Пальмира, Эдесса.

когда покинутый жителями». В другом месте он называет Хатру «древним городом в пустыне, выдержавшим две осады Септимия Севера» (*Amm. Marc.*, XXV, 8, 5).

Арриан (*Arr. Parth.*, XVII) в передаче Стефана Византийского называет Хатру «городом между Евфратом и Тигром» (см. *St. Byz.*, 143). Он же указывает, что «Либана, город сирийский, соседствует с Хатрой» (Там же, 414). Как можно видеть, Хатра (Ἀτραίς) для Арриана выступает как топоним во множественном числе (букв. «Хатры»).

Немногочисленны и в целом случайны упоминания о Хатре у Плиния Старшего, Плутарха и Клавдия Птолемея, причем удивительно то, что знаменитый в то время город был вовсе неизвестен последнему: Птолемей помещает некую «Атра» южнее парфянской столицы, Ктесифона, на восточном берегу Тигра, то есть в Сузиане (sic!) (*Ptol.*, VI, 1, 388, 1; *Plin.* NH, II, 110; V, 20, 21; VI, 9, 10, 12, 30; *Plut.* Lucul., 21).

Кроме Диона Кассия, сирийские источники отмечают, что в Хатре главным божеством был Гелиос⁶, описываются законы о воровстве (*Бардесан, Ефрем Сирийский, Ишо'дад Мервский*), культ орла (*Феодор Бар Кони*) и секта девственников (также *Бар Кони*)⁷.

Бардесан (Бар-Дайсан, 154–222 н. э.) ссылается на существовавший в Хатре закон, согласно которому за воровство предусматривалась смертная казнь, при этом вора забрасывали камнями⁸. Тот же закон отмечается у Евсевия Памфила (*Euseb.*, Praep. Ev., IV, 10, 24). Со своей стороны укажем,

⁶ Cureton W. *Specilegium Syriacum*. London, 1855.

⁷ Использованный источник: *Vattioni F. Natra*. P. 6–8.

⁸ *Nau F. Bardesane l'astrologue. Le livre des lois des pays*. Paris, 1899. P. 48: [*Bardesanes. Liber Regum regionum, Patrologia syriaca*, II, 591, nr. 33: *sym nmsws' bhtr' dkl dgnb'bydi' z'wrt' 'pn dmy' šwy' dntrgm.* — Установлен закон в Хатре, что каждый, кто украдет маленькую вещь, включая воду, виновен и подлежит забрасыванию камнями; 608, nr. 46: *wl' 'ylyn dbhwtr' rgtyn lgnb'*. — И только среди хатрийцев вора забрасывают камнями].

что в надписи X281 данный закон предусматривает два разных наказания за воровство в зависимости от принадлежности укравшего к местным горожанам или проезжим.

Ефрем Сирин (306[?]–373[?] н. э.) в комментарии к 10-й главе книги Бытия (Сеп. 10: 10–12) указывает, что город был заложен еще во времена царства Нимруда⁹.

Ишо‘дад из Мерва (ум. 850) дважды упоминает Хатру в комментарии к Быт. 10: в первый раз по поводу того же контекста Ефрема, во второй — по поводу текста, связанного с Санатруком, царем Хатры¹⁰.

«Tabula Peutingeriana» приводят название *Hatris*¹¹.

Сирийские источники упоминают «Хатру великана Санатру» или «Хатру Санатру»; также встречается написание *Sanatrug*¹².

Арабская традиция знает Хатру Сатируна (*Safīrūn*); при этом ал-Мас‘уди (IV, 81) и Йакут (II, 284) называют Сатируна сыном Санатруна, так что здесь арабское и сирийское предания отчасти совпадают. Можно предположить, что в данном случае арабы воспользовались сирийским источником, который, вероятно, был манихейского происхождения¹³.

⁹ *Toppneau R. M. Sancti Ephraem Syri in Genesim et in Exodum commentarii // CSCO 152. Scriptores Syri 71. Lovanio, 1955. P. 65: 'mlk dyn b'rk d'ytyh 'ds' wb'kr d'ytyh nsybyn wkly' qlyspwn. rħbwt hdyb kly' htr' wrs'n ryš 'yn' q[ry]' rbi'. [Нимрод] управлял 'Арком (Эдессой), и Акаром (Нисибинном), и kly' (Ктесифон). Rħbwt, Hdyb (Адиабена? — И. Н.), Kly' (Хатра), и Rs'n, Решайной, большим городом.*

¹⁰ *Vosté J. M., Van den Eynde C. Commentaire d'Išo'dad de Merv sur l'Ancien Testament. I. Gense // CSCO 12. Scriptores Syri 67. Lovanio, 1950. P. 133.*

¹¹ *Weber E. Tabula Peutingeriana, Codex Vindobonensis. Graz, 1967.*

¹² *Maricq A. Classica et Orientalia I. Hatra de Sanatrouq. 1955. P. 283, note 2; Herzfeld E. Hatra // MDOG 68 (1914).S. 659, 663–667.*

¹³ В «Книге великанов» Мани Хатра названа персидской. *Henrichs A., Koenen L. Ein griechischer Mani-Codex (P. Colon.*

Сатирун или Санатру передают иранское имя Санатрук. Очевидно, и Бар-Бахлул, и Дионисий Телльмахрский пользовались в своих повествованиях «Книгой великанов» Мани. Ишо‘дад в комментариях к городам *Beth 'Aramaye*, упомянутым в Быт. 10, среди которых называется Хатра (= *Калах*), приводит имя царя Хатры Санатру, который был *mlk' dprsy'* («царем персидским»)¹⁴.

Арабские хронисты видели в Хатре арабский город, а в хатрийцах — выходцев из Южной Аравии. Так, в частности, Ибн ал-Факих связывает царей Хатры с племенами куда‘а (Ибн ал-Факих, 129–130, 198; ср. *Балазури*, 284). Однако, по другому источнику, «...в ней жили цари сабинов» (*Ад-Димашки*, 38)¹⁵. В свою очередь, ал-Бакри указывает на контакты Хатры с Пальмирой времен Зенобии и даже с гассанидами (*ал-Бакри*, 17).

Если гассан, куда‘а и тайи — южно-аравийские племена (ср. *Herodian.*, 9, 2–3 и данные анонимного биографа Макрина, 12, 6: *Ταίηνοι*)¹⁶, то отмеченные в окружении Хатры племена тайму и бел‘акаб, засвидетельствованные в сафайтских, пальмирских и набатейских надписях, относятся к северо-арабскому племени тамим.

Inv. nr. 4780) // *ZPE 5 (1970). P. 120, 125–132; предысторию этой книги см. в: Milik J. T. The Books of Henoch. Aramaic Fragments of Qumran Cave 4. Oxford, 1976. P. 298.*

¹⁴ *Vosté J. M., Van den Eynde C. Commentaire d'Išo'dad de Merv sur l'Ancien Testament. I. Gense. P. 140. Ср.: Ibn Hallikān: «Это царь Харрана перед захватом последнего персами; его имя (*Safīrūn*) пришло из сирийского и означает “царь”».*

¹⁵ *taskunuhu mulūk aš-šābi'a*. Сабиями назывались древние язычники Месопотамии, возможно, имеются в виду сабии Харрана. Цари сабейские, за исключением краткого упоминания у Хамзы ал-Исфакхани, арабской традиции более неизвестны. См. прим. 26, с. 17 наст. изд.

¹⁶ *History of Muhammad's Campaigns by Aboo Abdoollah Mohamad bin Omar al-Wakidy / Ed. A. Kremer. Calcutta, 1856.*

Имя царя Хатры Санатрука (*Salīrūn*) фигурирует в трудах ат-Табари (*Ṭabarī*, 1901, I, 705), ал-Мас'уди (1935, II, 156, IV, 81), Хамзы ал-Исфахани (II, 35–36, XI, 155), Йакута ал-Хамави (1889, II, 73, 284, III, 569), Ибн ан-Надима (320–327)¹⁷.

Как повествует предание, Санатрук был родом из Баджармы (арам. Бет-Гармая, перс. Гармакан), области в Адиабене. Так, ат-Табари, Йакут, ал-Казвини и ал-Мас'уди приводят вместе с именем хатрийского царя Сатируна нисбу Джармаки (вар. Джармакани). Согласно Ибн Хишам он объединил вокруг себя многочисленных выходцев из кровно-родственной группы бану 'абид б. аджрам и других племен куда'а¹⁸. Санатруку же принадлежит, согласно Йакуту, победа над иудейским войском.

Традиция приводит описание поражения, нанесенного хатрийским войском персам, и двухлетнюю осаду Хатры, закончившуюся взятием города Шапуром I. Если допустить, что Хатру захватил Арташир I, как утверждает один из вариантов легенды, то это случилось в 237 г. В этот год он предпринял два похода на Месопотамию; возможно, однако, и то, что его нападение было безуспешным¹⁹. Если захватившим Хатру Сасанидом был Шапур I, то падение города произошло в 240 г.²⁰

¹⁷ Nöldeke Th. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden. Aus der arabischen Chronik des Ṭabarī. Leiden, 1879. S. 33–37.

¹⁸ См. ссылки на Ибн Хишам, ал-Бақри, ат-Табари, ал-Мас'уди. Однако по Каскелю со ссылкой на Хишам б. Мухаммада ал-Калби, джарм — одна из ветвей куда'а (СІК, 2, 259). Нисба от джарм, по Хишаму ибн ал-Калби, — джарми. Так, приводится имя поэта — Му'авийа ибн 'Абд ал-'Узза ибн Зира' ал-Джарми, сказавшего о себе: «Я из племени джарм, как вы узнали, когда были собраны перед пророком толпы!»

¹⁹ Oates D. Studies in the Ancient History of Northern Iraq. London, 1968. P. 75.

²⁰ Надиров И. И. «Бродячие сюжеты» и арабские предания о падении Хатры (240 г.) // ЭВ XXVI (2001). С. 115–120.

Несмотря на имеющиеся расхождения и очевидную легендарность изложения гибели Хатры, арабская и отчасти иранская традиции свидетельствуют об исторической реальности борьбы Хатры с Сасанидами, а также о племенах куда'а и бану хулван, группировавшихся вокруг крепости и боровшихся за независимость от иранцев²¹.

Значительно меньше исторических сведений по интересующему нас периоду и региону содержит иранская литература²². Имеются немногочисленные царские надписи первых Сасанидских правителей (III в.), составленные на среднеперсидском и парфянском, иногда на греческом языках. Ранний период истории Хатры поддается анализу еще менее, поскольку цари династии Сасанидов всячески стремились уничтожить память о своих предшественниках Аршакидах, на их взгляд — неарийцах²³. Скудость информации во многом объясняется отсутствием в то время историографии в современном смысле слова. Историю иранцам заменял героический эпос, и первые исторические сочинения появляются лишь к VII в. при Сасанидах (например, «Книги деяний царей»), оформившиеся в некое подобие официальной исторической хроники *Хвадай-намак* («Книга владык»).

К этому перечню можно было бы отнести и ряд трактатов талмудической литературы, и исторические произведения

²¹ Pellat C. Al-Ḥaḍr // Encyclopedie de l'Islam. III. 1971. P. 52–53.

²² Сведения о гибели Хатры даются также Мирхондом; *Silvestre de Sacy A. J. Memoire sur diverses antiquites de la Perse et sur les medailles des rois de la dynastie des Sassanides, suivis de l'histoire de cette dynastie, traduite du Persan de Mirkhond*. Paris, 1793. P. 286–289.

²³ Спустя столетие царствующие особы стали воздвигать свое генеалогическое древо к Ахеменидам, и через них — к легендарным эпическим династиям Кеянидов и Пишдадидов. Укажем здесь же, что династия парфянских царей Армении надолго пережила Аршакидов (до 428 г.). В списке придворных Шапура I фигурировали представители древних иранских родов (Карен, Сурен, Михран), служивших ранее Аршакидам.

древнеармянского хрониста Мовсеса Хоренаци, и сирийские исторические хроники.

Наконец, ценнейшим дополнением к сведениям, содержащимся в исторических и других памятниках, являются данные археологии.

Внимательно изучив все вышеназванные виды источников, в настоящем исследовании мы делаем попытку синтезировать эти разнородные данные в связную картину.

Главной опорой предлагаемой работы тем не менее является эпиграфический материал, происходящий из Хатры и ее окрестных территорий.

Арамейские (общим числом около 450, за исключением нескольких латинских и греческих) посвятельные надписи разного типа, в том числе надписи к почетным статуям, надгробиям и т. п., представляют интерес и в лексикографическом отношении²⁴.

Хатрийское письмо является одним из типов арамейского письма и имеет много общего с ашшурскими надписями²⁵.

²⁴ В нашем изложении выделение полужирным шрифтом (например, **X35**) означает, что данный текст приведен полностью в конце книги.

²⁵ Ниже перечислены статьи и работы, так или иначе затрагивающие языковую картину Хатрены, хотя посвящены в большинстве своем более общим проблемам. Эти исследования начинаются с Фуад Сафар, впервые опубликовавший найденные в Хатре надписи (Sumer 1952–1955). Также нужно назвать следующих авторов: Caquot A. L'araméen de Hatra // GLESC 9 (1960). P. 63–89; Drijvers H. J. W. Aramese inscripties uit Hatra // Phoenix 16 (1970). P. 336–380; Mesnil du Buisson R. du. De Shadrafa, dieu de Palmyra, à Ba'al Shamin, dieu de Hatra, aux Ier et IIIe siècles après J. S. // MUSJ 38 (1962). P. 143–160; Maricq A. Classica et Orientalia I. Hatra de Sanatrouq // Syria XXXII (1955). P. 273–278; Idem. Classica et Orientalia II. Les dernières années de Hatra: l'alliance romaine // Syria XXXIV (1957). P. 288–296; Aggoula B. Hatra, l'Héliopolis du désert mésopotamien // Archologie 102 (1977). P. 35–55; Hoftijzer J. Religio Aramaica. Godsdienstige verschijnselen in aramese teksten // MVEOL 16 (1968); al-Duroubi H. Ritual Scenes in

Надписи Хатры принадлежат к восточно-арамейским языкам и письму, к которым относятся сирийский, иудео-вавилонский арамейский, дура-европосский, мандейский²⁶ и язык харранских надписей. Все эти диалекты можно было бы отнести к поздней фазе развития восточно-арамейского языка периода II в. до н. э. — IV в. н. э. Вместе с тем письменность документов из Хатры не может рассматриваться как гетерографическая письменность позднепарфянского периода (Ниса), где иранские слова графически передавались с помощью соответствующих по значению слов староарамейского языка, — этому препятствует факт отсутствия в Хатре иранских слов хозяйственного или бытового значения. Тем самым формально отрицается и постоянное присутствие существенного числа иранцев в Хатре.

the Fifth Temple at Hatra // Sumer 26 (1970) (arab.). P. 142–162; Milik J. T. Dedicaces faites par des dieux // BAH CXСII. Paris, 1972; al-Salih W. Kitābāt al-ḥaḍr // Sumer 31 (1975). P. 75–80; Habib C. Ma'budāt al-ḥaḍr // Sumer 29 (1973). P. 157–170; Naveh Y. The North-Mesopotamian Aramaic Script-Type in the Late Parthian Period // IOS 2 (1972). P. 293–304; Homès-Frédéricq D. Hatra et ses sculptures parthes // Étude stylistique et iconographique. Vitgaven van het Nederland. Hist. Inst. te Istanbul 15 (1963); Ingholt H. Parthian Sculptures from Hatra, Orient and Hellas in Art and Religion // MCAAS 12. New Haven, 1954; Wiesenhöfer J. Sassanidischer Westpolitik und der Untergang Hatras // Klio 64 (1983). P. 437–447.

²⁶ Мандеи (ܡܢܕܝܐ) — немногочисленная религиозная секта в городах и селениях Ирака и соседнего Хузистана; другое название — «христиане св. Иоанна» (Christiāi Sancti Joannis), согласно первой посвященной им монографии «Narratio Originis, Rituum et Errorum Christianorum Sancti Joannis» (Roma, 1652), написанной Игнатием Иещу. В мусульманской литературе и Коране мандеи называются сабиями (как и население Харрана). Самоназвание — назорен. Представляют собой остаток арамейского язычества, распространенного в Вавилонии в начале н. э. Изучение мандейской религии долгое время было затруднено из-за отсутствия переводов их литературы на какой-либо европейский язык, поскольку арамейский диалект этих священных книг представляет серьезные трудности для понимания.

По содержанию представляется возможным подразделить надписи на следующие категории: посвятительные, надгробные (эпитафии), надписи на почетных статуях — *проскинемы*²⁷, посвящения разным божествам и уже в гораздо меньшем количестве — перечни, деловые документы, юридические акты, строительные надписи. Специфический характер этих во многом стереотипных надписей сильно снижает их ценность, извлечь из них можно немного. Однако данное замечание относится не ко всем текстам: есть весьма информативные и важные. Некоторое число текстов датировано и сообщает имена правителей и царей Хатры. Летоисчисление селевкидское. Немногочисленные юридические акты составлены в соответствии с нормами, принятыми хатрийской канцелярией, и с законами, действовавшими на территории Хатры. Важным источником являются монеты, находки которых вне города отражают диапазон торговых отношений царства и отчасти политическую ситуацию²⁸. Монеты хатрийского чекана, обнаруженные, кроме Хатры и Хатрены, в Дуре-Европосе, в легенде содержат имя города: *ḥtr' dšmš*²⁹. В надписях город называется *ḥtr'* (надписи **X79**, **X336**, **X343**); вероятно, этот же топоним упоминается в пальмирской надписи *RTR 993*. Сами хатрийцы называли себя *ḥtry'*, что созвучно с «сыновьями Хатры» (*bny ḥtry*), упоминаемыми в пальмирских тессерах среди племен, объединенных термином *φυλή*³⁰.

Легенда *ḥtr' dšmš* указывает на сакральный характер города — центра культа Шамша³¹. Имя царя на монетах не упо-

²⁷ Lagrange M.-J. Études sur les religions sémitiques. Paris, 1905. P. 206–207.

²⁸ Walker J. The Coins of Hatra // NumChr (1958). P. 167–172, tab. XIV; al-Salhi W. Hatra. Excavation in Group of Tombs // Sumer 28 (1972). No. 1–2. P. 19–30.

²⁹ Bellinger A. R., Welles C. B. A Contract of Sale from Dura // YCS 5. 1935. No. 172.

³⁰ CIS II, 4164 (128 г. н. э.); CIS II, 4483–4485 (*htry*).

³¹ Нами принято чтение Руфи Штиль (AAW. Bd. 2. P. 4). Имя арабского правителя Эмесы (I в. до н. э.) — Σαμπτικερακος, что,

минается, что должно косвенно свидетельствовать о главенствующей роли религии в формировании и развитии Хатры.

Прежде чем перейти к обзору открытия Хатры, следует сделать одно замечание по эпиграфическим материалам. Постановка проблем, касающихся социального устройства того или иного общества, довольно обычна в нашей историографии; столь же традиционно сформулирована и тема этой работы. Следует между тем заметить, что есть определенное различие в том, опираемся ли мы при изучении общественной структуры на многочисленные, хорошо сохранившиеся документы или вынуждены работать над той же проблемой с материалом, который никак нельзя назвать ни многочисленным, ни разносторонним, — таковы надписи из Хатры.

При всем конкретном разнообразии исследований, посвященных описанию социального строя, можно заметить, что они исходят из некоей общей посылки: здесь мы имеем в виду ту глубокую убежденность, что существует лишь одно истинное понимание источников, что нужно искать это единственно верное понимание, на основе которого мы способны раскрыть объективную картину исторической действительности. Этот принцип не всегда принимает столь ясно выраженную форму, составляя в большинстве случаев лишь фон, оказывающий заметное влияние на весь ход работы. Когда у нас есть все основания полагать, что интерпретация соответствует источнику, то вряд ли следует абсолютизировать это толкование, делая упор на его единственную возможность; не лучше ли исходить из идеи, что сложные документы и термины могут иметь множество вероятных интерпретаций? Разумеется, это не отменяет задачи восстановления того понимания надписей, которое вкладывали в них современники.

Первые сведения о развалинах Хатры поступили в Европу в первой половине XIX в. от путешественников и исследователей древних городов Передней Азии. Раньше дру-

очевидно, затрудняет чтение *šmš* как *shamash*. Более подробно о Шамше см. ниже.

гих европейцев, в 1834 г., *вади Тартар*, в которой расположена Хатра, посетил Х. Дж. Росс, который включил в свою статью описание руин города, план и рисунки храма-дворца; им также были вывезены рельефные наддверные украшения разного вида, до наших дней в большинстве своем не сохранившиеся. Двумя годами позднее появилось более детальное описание развалин и попытка воссоздания истории Хатры В. Эйнсворта³². В 1846 г. Месопотамию и Паропотамию посетил А. Лэйард, уделивший Хатре достаточно места в своих исследованиях³³. Статья содержит попытки научного анализа памятников материальной культуры города, в наибольшей степени касающиеся зодчества. Архитектуре Хатры посвятил главу своего фундаментального труда Фергюсон, впервые отметивший необычный тип перекрытия многих зданий сакрального назначения, в частности храма-дворца (*эсагилы*); помещения аналогичного типа получили в исследовательской литературе название *айван*³⁴.

Первым, кто опубликовал несколько хатрийских надписей, был инженер Багдадского вилайета С. Жакере³⁵. В 1901 г. Фоссе снял копии со значительного числа надписей, которые увидели свет с любопытными комментариями Ж. Галеви³⁶. Так, согласно мнению французского эпископа, жители Хатры были арамеями и называли себя *hūtreya*. Позднейшие ис-

³² Ainsworth W. Notes on an excursion to Kal'ah Sherkat, the Ur of the Persians and to the ruins of Al Hadhr // JRGS XI (1841). P. 256–259.

³³ Layard A. H. Notes on the ruins of the palace of al Hather (Hadhr) // Transactions of the Royal Institute of British Architects. VII N. S. (1891). P. 63–68.

³⁴ Fergusson J. History of Architecture. Vol. IX; ср.: Oelmann F. Hilani und Liwanhaus Bonner Jahrbucher. Heft 127 (1922).

³⁵ Jacquerez C. Les ruines de Hatra // RA. 3s. XXXI (1897). P. 343–352.

³⁶ Halévy J. Trois inscriptions de Hatra // Revue Sémitique X (1902). P. 191–192.

следования тем не менее выявили несостоятельность такой точки зрения³⁷.

Исключительную роль в археологическом изучении Хатры и прилегающей области сыграли экспедиции немецких исследователей под руководством Вальтера Андре. Итогом их кропотливой работы явился двухтомный труд, в котором приводятся реконструкции храмов и сооружений; данная работа сохраняет свое немаловажное значение и сегодня³⁸. Отсутствие эпиграфического материала не помешало появлению обзорных статей Э. Херцфельда и М. Штрека³⁹. Несколько заметок посвящены описанию истории главного храма Хатры⁴⁰. Заслуживают внимания исследования М. Риттера и Й. Маркварта, касающиеся языковой и этнокультурной ситуации в регионе⁴¹. Ценные замечания по исторической топонимике и ономастике Северной Месопотамии в связи с Ираном приводятся и в другом труде Й. Маркварта⁴².

Особое значение в открытии хатрийских надписей имеет ряд иракских экспедиций под руководством Фуада Сафара; ему принадлежит заслуга введения большого количества текстов в научный обиход⁴³. Надписи изучались также А. Како, Й. Т. Миликом, Х. Теишидором и Б. Аггула⁴⁴. Ливанскому

³⁷ Ср., например: Herzfeld E. Hatra // MDOG 68 (1914).

³⁸ Andrae W. Hatra nach Aufnahmen von Mitgliedern der Expedition der DOG I.

³⁹ Streck M. Hatra // PW VII (1912). P. 2516–2518.

⁴⁰ Ronzevalle S. Tarikh qasr al-ḥadr // Al-Mashriq 5 (1912). P. 509–522 (араб.).

⁴¹ Marquart J. Manuscript über die Inschriften von Hatra. Leipzig, 1900.

⁴² Marquart J. Untersuchungen zu Geschichte von Êrân. Leipzig, 1905. B. I–II.

⁴³ Safar F. Hatra and the First season of Excavation at Hatra // Sumer 8 (1952); Idem. Inscriptions of Hatra // Sumer 7, 9, 11, 17, 18, 21, 24, 27.

⁴⁴ NIAH, Syria XXIX, XXX, XXXII, XL, XLI; DFD; Milič J. T. À propos d'un atelier monétaire d'Adiabene: Natounia // RN.

ученому Базилу Аггула принадлежит полный инвентарь надписей Хатры и Хатрены. Из последних исследований отметим работу Дж. Х. Ибрахима, уделяющую основное внимание окрестным племенам Хатры⁴⁵. Опубликованные в 1981 и 1994 гг. сборники хатрийских надписей, составленные Франческо Ваттиони, являются скорее сводом материалов, чем шагом к их пониманию, поскольку оставляют тексты без автографий, и автор ограничивается лишь кратким комментарием, зачастую сводимым к перекрестной ссылке. Вместе с тем обе работы Ф. Ваттиони по Хатре ценны тем, что дают возможность сравнить различные точки зрения исследователей, приводят основные нарративные источники, а также оперируют обширной библиографией⁴⁶. Р. Бертолино рассмотрел вопросы хронологии города и царства⁴⁷.

Обзорную статью посвятил Хатре Илья Шолеймович Шифман⁴⁸. До настоящего времени изучение истории Хатры и ее общества сосредоточивалось главным образом вокруг ана-

лиза памятников материальной культуры и пантеона священного города. Этапными в таких исследованиях можно назвать две работы: Вальтера Андре [двухтомник, опубликованный в 1908 (I) и 1912 (II)] и Фуада Сафара, который вместе с археологом Мухаммедом 'Али Мустафой выпустил в 1974 г. хорошо иллюстрированный труд на арабском языке. Первая уделяет в основном внимание архитектурному богатству и географии, в то время как вторая посвящена культурному своеобразию города. Отметим, однако, что названные работы оставляют без должного внимания административное устройство и особенности социальной экономики города, а также эпиграфический материал, дающий, хотя и по крупницам, важные сведения о ежедневной жизни хатрийцев.

Монографического труда, специально посвященного указанным проблемам, до сих пор, насколько можно судить, не издавалось. Настоящая книга является первым русскоязычным опытом исследования истории, культуры и религии Хатры. Равным образом в 1996 г. впервые была сделана предварительная оценка ее исторического значения для судеб арабов в доисламский период⁴⁹.

V-ic serie. 4. 1962. P. 51–58; RIN I–IX в Syria, Berytus, MUSJ 1970–90; *Teixidor J. Notes hatréennes // Syria* XLI (1964). P. 273–284; 1966. P. 91–97.

⁴⁵ *Ibrahim J. Kh. New Evidence for Settlement in the Jazirah in the Pre-Islamic period, with Special Reference to Hatra and Jaddalah* (Ph. D. thesis, University of London), 1981. Тексты надписей X343 и X344 изданы Дж. Ибрахимом в иракском археологическом журнале *Sumer* 38 (1982). P. 120–125 (араб.); тексты X345, X363, X346 и X384 изданы ан-Наджафи: *Najafi H. M. Kitabāt al-ḥaḍr // Sumer* 39 (1983). P. 175–199 (араб.)

⁴⁶ *Vattioni F. Le Iscrizioni di Hatra // Supplemento n. 28 agli AION — vol. 41, fasc. 3. Napoli, 1981; Idem. Hatra // Supplemento n. 81 agli AION — vol. 54, fasc. 4. Napoli, 1994. См. также библиографию в: Drijvers H. J. W. Hatra, Palmyra und Edessa // H. Temporoni — W. Haase (ed.). *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. Vol. 8. Berlin; New York, 1977.*

⁴⁷ *Bertolino R. La Chronologia di Hatra // AION* 55 (1995).

⁴⁸ *Шифман И. Ш. Северомесопотамский город Хатра // ВДИ* 2 (1985).

⁴⁹ В 1996 г. автор настоящей монографии защитил диссертацию на соискание степени кандидата исторических наук по теме «Общество Хатры (I–III вв. н. э.). История северомесопотамских арабов эпохи римско-парфянского господства».

SUMMARY

I. I. Nadirov. *Hatra: the Arabs between Parthia and Rome*.

The monograph looks into events in Hatra through the evidence of inscriptions found there.

The studies made during about the whole of the 20th century in the history and cultural history of Hatra are of serious interest for the kingdom of Hatra was one of the earliest pre-Islamic Arabic city-states between two great monarchies.

It has played a significant role in the formation of the Arabic state and, moreover, the Arabic civilization in Northern Mesopotamia. Due to its geographical situation Hatra was particularly well suited to be a bridge between the polar world of Iran and that of mighty Rome. It is suffice to mention that, like in neighboring Palmyra and Dura-Europos, here the arrival of Hellenism sparked off an immense new religious movement — the syncretism of Greek and Oriental deities. As direct descendents of ancient nations of Beth-Arameya, some of tribes that helped with forming the nucleus of North Arab nation, inherited cults and beliefs closely akin to those of the Assyrians, Babylonians and Aramaeans, as well as the Arabs.

The Parthians made Ctesiphon in central Mesopotamia their capital and the centre from which Iranian power radiated over Aramaic, and then increasingly Arab, Iraq. Therefore, Hatra, Arabic *al-Ḥadr* was a centre of Arab infiltration into this part of Iraq. A settlement was founded in northern Iraq, to the southwest of Mosul, by the beginning of the 1st century B.C.; Arabic names in the Aramaic inscriptions from this region show clearly the ethnic origins of the most of the early rulers. Hatra appears as one of a ring of Arab principalities founded around this time along the desert fringes of the Fertile Crescent, stretching through northern Mesopotamia and Commagene to Urha (Edessa), Hamat, Emessa and Palmyra. The more westerly cities endured until the extension of direct Roman rule into these parts, the more easterly

ones like Hatra came within the Parthian cultural and political sphere of influence. Some of the rulers bore Iranian names. Hatra's first rulers were simply called «lords» (*māryā*), but from the beginning of the 2nd century A.D. one lord with a Parthian name Sanatruk styled himself *mlk' dy 'rb* «king of Arab».

As a fortified base for Arab warring tribes, Hatra was in a sense a counterpart of *Hira* in the south. However, whereas the latter word originally denoted a temporary encampment of nomads, *al-Haḍr* by contrast denotes a township that was meant to be permanent (Arabic *ḥaḍar* «settled population or land», *ḥaḍāra* «sedentariness»).

At the time, when Hatra appeared in history, it faced Roman garrisons in Commagene and Osroene as well as in Palmyra. The six-kilometer wall, forming an almost complete circle, and having a ditch outside, is fortified with towers and encloses a huge square with palace and temple buildings. The impressing masses of square hewn stone are adorned with cornices and medallion-like relieves of the city gods.

Taking into consideration that the Parthian empire structured its political orientation on the economic power of the caravan system, Hatra was looked at as an ally of the Arsakids, and backed by them it fought off Roman attacks led by Trajan (116 A.D.) and Septimius Severus (198–199 A.D.), even after both of the emperors had captured the Parthian capital of Ctesiphon. The emperor Trajan on his return from Ctesiphon mounted the first unsuccessful siege of Hatra, the second effort was made by S. Severus, whose army eventually began to mutiny in the face of brave defenders of the fortress, and forced their commander to seize the siege. It flourished both as a caravan city on an important trade route connecting Seleucia-Ctesiphon with Singara and Nisibis, and as the possessor of a religious shrine dedicated to the cult of the Sun God. The kings of Hatra strove to enlarge the limits of their influence and partial independence from Parthia. Hatra's fortunes declined with those of its patrons the Arsacids. After the defeat of Artabanus V in 224 A.D. by Artabanus I, Hatra for a while was garrisoned by the Romans to withstand the Sasanians, until Shapur I succeeded in occupying the city and plundering it, ensuring that it never rose again to any position of significance. The Arabic medieval historians weave a romantic legend around these events that the city was finally betrayed to Shapur by *al-Naḍira*, daughter of its king *al-Ḍaizan b. Mu'āwiya* (who bore the title *al-Sāfirun* < Sanatruk?), for her having been fallen

in love with the Sasanian besieger. Hatra was so thoroughly razed that Arab geographers of the Middle Ages were no longer sure of its location. In the popular imagination of later generations, Hatra was the proud city that fell, «a sacrifice on the altar of love».

The extent of the city lets us to speak of not that small population of Hatra, which can be estimated as about 18–20 thousand souls.

Hatra was for about three centuries one of the most important North Mesopotamian cities of the Parthian Empire and by the second half of the second century became one of the strongest frontier towns of Parthia, a fortress founded against the Roman Empire. Its situation explains the strong ties bounding it to the other cities of the Euphrates, to their Assyro-Babylonian civilization and to their Iranian masters-overlords of Mesopotamia.

There were rather close relations of Hatra with Palmyra, the magnificent and flourishing caravan city of the Syrian desert, politically a vassal of Rome, but culturally the meeting point of the greatest civilizations of the world — the Graeco-Roman and Iranian, and Hatra in a sense became another Palmyra, smaller and less opulent, being a religious center on a channel of traffic.

Arabs composed the majority of Hatran population. But the ancient local people, whose ethnical constitution can not be identified yet, should be considered as the earliest dwellers of the site with water, though they doubtless were of Semitic origin. We can but carefully suppose the core of the very early city was composed by Assyrian dwellers of adjacent Adiabene, as one of the statues consists the name of the king Utal from «Natunissar» (Pehlevi name of Adiabene) — Inscription 21. Otherwise, we may not be able to explain the non-Arabic name of the main temple of the city — Esagila (akkad. — E-sagila < sumer. E₂-sag-ila₂-> «temple with risen head», «grand temple»). Quite different is the situation with culture: in language and script, as well as in religion the Arabic component occupies only some restricted place, while the Aramaic one is the main, by means of which certain Babylonian and Accadic borrowings came into Hatra. It is obvious that the population was always multinational, both in the beginnings of the city and when the settlement of Arab tribes in the certain place was in full process.

At the end of the 1st century AD an ethnical picture in Hatra turned even more multicoloured: Parthians, whose vassals Hatranians became,

Syrians, Greeks and Romans (235 AD) — it is suffice to have a look at Hatra's onomasticon or pantheon. It must be stressed here that the society of Hatra was an integral part of the Semito-Iranian linguistic and cultural milieu. Then we can say that factually Hatranians were the same kind of the Hellenized Semites as the major population of Mesopotamia and Syria. In addition, it was not by chance that in Hatra the goddess Allat iconographically was equal to Athen, Nergol — to Hercules, while Shamsh looked like both Helios and Mithra.

The reasons and boundaries of reception of material and nonmaterial elements from other cultures, as well as their interrelationship with that of Hatra let us speak of the Hatran culture as of an open one, similar to the Palmyrenian culture.

It seems to me that at Hatra and its adjacent lands like in the neighboring Syria and Anatolia, the population was formed depending on big proprietors, but we can not judge upon relations between them. The dwellers of Hatra as well as that of most Mesopotamian and Syrian cities of I–III centuries AD include several components, which generally did not much differ as for their productive activity and social lamination. There is no doubt that the Arabic nomadic and settled component prevailed, but the very sacred character of the city allows to consider the city of Hatra the place of different deities' worshipping and praying, and consequently availability of various professions. They spoke a form of Arabic, although wrote in Aramaic.

The role of slavery in Hatra was not that significant. There was no massive supply of slaves since the kingdom never carried an active foreign policy. But in the text of Inscription 411 we find the term *br hry'* — «libertine», and this expressly means that the dependent population was available in Hatra, although provided the person mentioned was Hatranian. Nevertheless, we have to assume that the character of slavery in Hatra should be patriarchal, and it cannot be compared in this context with Palmyra. Before the period of kings the rulers of Hatra, called in inscriptions *mry'*, were actually elected magistrates of the tribal council (*qšyš'*) or supreme judges (*dyn*). In some cases, all the members of the community, as well as those living outside the walls took mutual decisions together with sacral functionary.

A state organization of Hatra cannot be considered a theocracy. The very important official post of Hatra was a «king» (*mlk' = mlk' dy 'rb*). The king's power was built on dynastic principle. Next to the

king's ranks were occupied by «temple director» (*rby'*) and «chief of the assembly» (*qšyš'*). We may speak with confidence about communities (*dyr'*) that were organized around temples of Hatra.

Legal institutions in the Hatran society were those common to all the countries of the Near East, except that of thievery, which divided the thieves onto the community members and to strangers, depending on that they were sentenced to different kinds of punishment. It is very likely that for a citizen Hatra was a sacred territory in a whole, all the temples being under the same legislation rules of protection.

A rather small content of Parthian names in Hatra onomasticon may be considered as an argument of a little number of Iranians among the citizens. However, a certain administrative terms and titles evidently show that Hatra was annexed (probably in the 1st century BC) by Parthia, and the role of Iran there was rather efficient, especially in sculpture and fashions, nothing to say about the distinct Iranian names of some kings and lords.

Excavations of the city and its temples have shown that aside from transit commerce, money sacrificed to different deities and gods by worshippers may well have been one of the main sources of income at Hatra, as well as trade and crafts connected with servicing of pilgrims. Different crafts flourished in Hatra, but the art of building was the most outstanding art of the city. In temple architecture we can find *aiwan*, which is one of the main building methods of the temples, which usually consist of a deep *aiwan*, square cellum, and a system of bypass corridors.

Hatra was a trade-center of local importance, less prominent than Palmyra. There is a belief that here a special tax for water was imposed, and they punished for theft of water.

Hatra minted its own coins of copper with a legend «*Hatra di Shamsh*» («place of Shamash's settlement»), resembling that of Roman mint.

The surrounding nomadic and semi-nomadic tribes were under control of certain «leaders» (*'by'*) and «sheiks» (*'rb'*), and we suppose them to submit the Parthian «*patikhshaya*» (*ρδῆς*). The initial rulers of Hatra (*mry'*) never carried an absolute power, but ruled over some council of assembly chiefs and sheiks. There might be several *maryas* at a time in Hatra. It may be supposed that before the king's power installed in the second half of the 2nd century, an assembly of the people

and *rbyl'* was the supreme authority in Hatra. As one can judge from the title *hrkpt'* («taxes chief»), taxing was imposed in the Parthian manner.

The Hatrans by origin were mostly Arabs; the proper names and separate glosses in the inscriptions prove their language was Arabic. However, they adopted Aramaic, the common language of the whole of the Near East.

The religion of the Hatrans was a mix of different religious cults of the region, common to all the nations inhabiting the Northern Mesopotamia, though no fire cult had been found in the city that can help us thinking of insignificant role of Iranians here. The ancient Mesopotamian deities of Nergal, Nannai and Sahar show big impact of ancient dwellers of the region.

The kingdom of Hatra, which did not factually enter the Roman world during the whole of its life, was a bright instance of progressive phenomena in media of Arabian and local ancient Semitic population, and being «an open culture», it was an example of Arabian-Aramaean-Parthian urbanization.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Введение. Историография и нарративные источники	7
<i>Глава первая. Исторический очерк Хатры</i>	24
1. Общие сведения	24
2. Основание города	26
3. Хатра на политической арене I—III вв.	43
<i>Глава вторая. Население Хатры</i>	66
1. Численность населения Хатры	66
2. Характеристика жителей Хатры	71
<i>Глава третья. Социально-экономические отношения</i>	91
1. Социальная структура хатрийского общества I—III вв.	91
2. Экономические отношения общества Хатры	126
<i>Глава четвертая. Общество и административное устройство</i>	160
1. Административная структура	160
2. О хатрийском праве	199
3. Фиск	203
<i>Глава пятая. Археологический очерк</i>	213
1. Архитектура	213
2. Скульптура	235
<i>Глава шестая. Духовная культура хатрийцев</i>	252
1. Язык. Письменность. Календарь	253
2. Пантеон Хатры и религиозная обрядность	267
Заключение	316
Избранные тексты	323

<i>Приложение 1. Semeion и smy'. Classica et Orientalia</i> (о планетарных представлениях в сиро-месопотамском регионе I—III вв.)	345
<i>Приложение 2. О хтоническом божестве Zaḳīqe</i>	380
<i>Приложение 3. Таблицы</i>	388
Таблица 1. Антропонимы Хатры и Северной Аравии	388
Таблица 2. Антропонимы Хатры и Южной Аравии	393
Таблица 3. Общесемитские антропонимы Хатры и Передней Азии	395
Список сокращений	410
Цитированная литература	417
Издания текстов	430
Конкорданция хатрийских надписей	433
Указатель имен	446
Указатель топонимов	453
Указатель этнонимов и религиозных течений	459
Указатель теонимов	461
Указатель надписей	464
Summary	469

Научное издание

Ильнур Ильбарисович Надиров
ХАТРА.
АРАБЫ МЕЖДУ ПАРФИЕЙ И РИМОМ

Директор издательства Ю. С. Довженко

Художник П. П. Лосев
Редактор А. А. Лобанова
Корректор Н. П. Дралова
Оригинал-макет А. Б. Левкина

Лицензия ЛП № 000333 от 15.12.1999
Издательский Центр «Гуманитарная Академия»,
197183, Санкт-Петербург, ул. Сестрорецкая, д. 8.
Тел. (812) 430-70-74
E-mail: gumak@mail.ru

ISBN 978-5-93762-053-8

9 785937 620538

Подписано в печать 25.02.2009. Формат 84×108^{1/32}.
Печать офсетная. Уч.-изд. л. 20. Усл. печ. л. 25,2.
Тираж 700 экз. Заказ № 3700.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП «Типография «Наука»»,
199034, Санкт-Петербург, 9 линия В. О., д. 12

